и искусственной патетичности обличения. Впечатление это возникает оттого, что писатель не столько размышляет по поводу виденного, не столько уясняет для себя причины нищеты крестьян, сколько стремится убедить читателя в истинности того, что он видел. Это обусловило единообразие приема введения фактов и сентенций по их поводу, фактов, строго «обдуманных» именно с точки зрения их пригодности для выражения той или иной сентенции.

Общая мрачная картина деревни Разоренной, данная щедрыми мазками в самом начале, дополняется описанием кошмарного вида двора и внутренней обстановки крестьянской избы. Автор здесь хочет быть предельно точным в передаче деталей: в деревне «около двадцати» тесно сгрудившихся развалившихся хижин, огороженных «иссохшими плетнями» и покрытых «от одного конца до другого сплошь соломою»; безлюдная улица «покрыта грязью, тиною и всякою нечистотою»; «заразительный дух от всякой нечистоты» и «жужжание бесчисленного множества мух» в самих избах — такова приуготовляющая читателя к восприятию последующих авторских заключений картина, призванная с самого начала уверить его в истинности повествования. Затем следует рассказ о брошенных на произвол судьбы трех грудных младенцах одного возраста в одной и той же избе — «случай редкий и маловероятный с точки зрения житейского правдоподобия». По глубоко верному замечанию Ю. М. Лотмана, эти младенцы «представляют теоретический» план отрывка. Они призваны нести «философскую правду о природе человека».[3] Вместе с тем рассказ о младенцах служит для автора поводом высказать имеющую конкретного адресата страстную резюмирующую тираду: «Жестокосердый тиран, отъемлющий у крестьян насущный хлеб и последнее спокойство! посмотри, чего требуют сии младенцы!» (с. 296).

Автор и далее продолжает нагнетать доводы в обоснование тезиса о нерадивости помещиков, видя именно в этом свою главную задачу. Путешественник, «оказав услугу человечеству» (то есть поступив по-человечески с младенцами, оказав им помощь и удовлетворив их естественные потребности), с трудом добирается до своей коляски и падает в нее «без чувства». Барину ищут чистой холодной воды и, разумеется, не находят. Ситуация явно надуманная и смысл ее очевиден: она служит поводом высказаться о «пакостной» воде, которой вынуждены пользоваться крестьяне у бесчеловечного хозяина деревни. И вновь перед автором открывается возможность (как видим, заранее обеспеченная введением эпизода о случившемся с путешественником обмороке) бросить еще раз помещикам обвинение: «...вы никакого не имеете попечения о сохранении здоровья своих кормильцев!». Далее обна-

---

[3] Лотман Ю. М. Пути развития русской просветительской прозы XVIII века, с. 95.